© 2003 г В. С. ПАНФИЛОВ

ФОРМАЛИЗОВАННЫЙ ПОДХОД К ВЫДЕЛЕНИЮ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Объяснить же то, что можно объяснить, и не будем кичиться, что дали объяснение всему

Э Кондильяк 'Логика, или начала искусства мыслить

Под грамматическими классами слов имеются в виду группировки, более привычно, хотя и менее корректно, именуемые частями речи Далее выражения "грамматический класс" и "часть речи" употребляются как синонимы

Грамматические классы представляют собой результат классификации слов по грамматическим – морфологическим и / или синтаксическим – признакам Морфологические признаки не могут претендовать на типологическую всеобщность в силу того, что существуют языки, лишенные словоизменительной морфологии, к числу которых, если отвлечься от единичных агглютинативных аффиксов, принадлежит, в частности, китайский язык, представляющий тем самым благодатный объект для выделения частей речи на последовательно синтаксической основе

Одна из существенных особенностей естественного языка состоит в том, что его знаки обязательно включают с и н т а к т и к у, т е заданные конкретным языком бо лее или менее произвольные, особенности комбинаторики [Мельчук 1997 121] Выделение грамматических классов слов на синтаксической основе предполагает, что слова (знаки) естественного языка различаются по синтактике, и эти различия могут быть установлены Соответственно отрицание частей речи в каком-либо естественном языке означало бы, что данный язык лишен синтактики, что неприемлемо по определению

Синтаксический подход к выделению частей речи сводится к выяснению следующих, в какой-то мере взаимосвязанных, вопросов какие слова может подчинять исследуемое слово (комбинаторный подход), каким словам может подчиняться, или в каких функциях может выступать исследуемое слово (функциональный подход) Комбинаторный и функциональный подходы представляют собой принципиально один и тот же тип анализа, различаясь лишь направлением в первом случае мы подходим к вопросу с позиций г о с п о д с т в у ю щ е г о слова, во втором – с позиций з а в и с и м о г о слова Классификация, в принципе, может ориентироваться либо на один из названных подходов, либо на оба одновременно

Одновременный учет комбинаторного и функционального аспектов представлен в известной классификации А А Драгунова в китайском языке предикатив (глагол, прилагательное) может непосредственно сочетаться с отрицаниями и наречиями (т е подчинять отрицания и наречия – *В П*), а также выступать в функции сказуемого без связки (при условии, что понятие функции, т е зависимого элемента, приложимо к сказуемому – *В П*), имя этими особенностями не обладает [Драгунов 1952 11–12]

Насколько нам известно, на китайском материале не существует последовательно комбинаторных классификаций, однако суть такого подхода нетрудно проиллюстрировать исследованиями типологически близкого вьетнамского языка. В работе Ле Ван Ли имена и предикативы вьетнамского языка разграничиваются по способности сочетаться с так называемыми словами-свидетелями [Lê Văn Ly 1948: 164–165]. Более убедительно это представлено в классификациях, продолжающих традицию Ле Ван Ли, но вместе с тем упрощающих его весьма громоздкие списки слов-свидетелей, ограничивая их показателями частных грамматических категорий и некоторыми разрядами полуслужебных слов [Martini 1959: 186, 190; Honey 1956: 537–539].

Относительно комбинаторных признаков, например тех, которые представлены в классификации А.А. Драгунова, не может не возникнуть вопрос, каким образом некоторые грамматические классы, в частности, отрицания и наречия, оказываются идентифицированы как бы "изначально", собственно говоря, еще до начала классификации как таковой. Можно пойти даже несколько дальше и заявить, что если идентификация отрицаний и наречий является в некотором роде самоочевидной, то не является ли еще более самоочевидной идентификация имен и предикативов. Кроме того, даже если как-то избежать этих трудностей, что, в принципе, возможно (см. ниже), комбинаторный подход способен охватить лишь ограниченную часть лексики, ибо только знаменательные слова (по преимуществу) могут подчинять другие слова.

Последовательно функциональный подход можно проиллюстрировать работами, выполненными на материале кхмерского и вьетнамского языков [Горгониев 1966: 100–116; Панфилов 1990: 74–89; 1993: 92–105]. Данный подход предполагает классификацию слов по их способностям выступать в тех или иных синтаксических функциях. Следует только оговорить, что признаком части речи является именно полный набор возможных синтаксических функций, а не функция слова в некотором конкретном примере [Яхонтов 1965: 25].

В работе Ю.А. Горгониева понятие функции как и сама традиционная номенклатура синтаксических функций (подлежащее, дополнение, определение и т.д.) принимаются без обсуждения, а способность слова выступать в той или иной функции оценивается с опорой на интуитивную статистику по трехступенчатой шкале нормально/редко/только при определенных условиях [Горгониев 1966: 107]. В работах, выполненных на вьетнамском материале, помимо обсуждения вопроса о синтаксических функциях, отражающих отношения между знаменательными словами, вводится и специально обсуждается понятие квазисинтаксических функций, предназначенных для анализа отношений между служебными и знаменательными словами, а также между служебными словами и предложением как единым целым. Нельзя, однако, не признать, что даже применительно к сочетаниям знаменательных слов между собой понятие функции едва ли разработано должным образом. Достаточно сослаться на разногласия, связанные с синтаксическим анализом китайских примеров типа *wǒ yǒu shu* "У меня есть книга", *xià yǔ le* "Пошел дождь", *wǒ jiào nǐ gongzuò* "Я заставляю тебя работать". Тем более актуальным представляется это замечание применительно к сочетаниям служебных слов со знаменательными или с целыми предложениями. Несмотря на определенный прогресс, достигнутый в уточнении синтаксически релевантного понятия функции [Панфилов 1993: 58–67], логически безупречный результат последовательно функциональной классификации в настоящее время может быть достигнут лишь за счет замалчивания некоторых неудобных фактов.

Настоящая статья ставит своей целью не получение принципиально новых результатов, но лишь более строгое обоснование самих выводов, в связи с чем и предпринимается попытка построения формализованной системы частей речи китайского языка. Формализованная теория есть способ организации теоретического знания, предполагающий:

1. Выделение "самоочевидных" сущностей, доступных непосредственному усмотрению с исчерпывающей ясностью и полнотой [Смирнов 1995: 57];

2. Введение в теорию любой сущности, не являющейся предметом непосредственного созерцания, лишь на основе соотношения, связывающего ее с некоторой самоочевидной сущностью [Там же].

Таким образом классификация строится в виде ряда последовательных шагов, так что общая ее эффективность обусловливается не только внутренней убедительностью каждого шага, но и убедительностью каждого перехода.

Первый шаг. Выделяются имена и предикативы с помощью предложенных Чжао Юаньжэнем диагностических конструкций: имя – это слово, которое способно заполнить пробел в конструкции *zhè shì...* "Это – ....", предикатив – это слово, способное заполнить пробел в конструкции *bù/méi...* "не..." [Yuen Ren Chao 1968: 161, 163]. В этих определениях явно чувствуется влияние А.А. Драгунова, чего не скрывает и сам автор, однако для наших целей существенно, что эти определения, которые уместно назвать операционально-остенсивными, или операциональными, предельно приближенными к остенсивным, содержат прямое указание на исследуемый объект, минуя термины "отрицание", "наречие", "сказуемое" и т. п.

Рассмотрим некоторые следствия из принятых определений. Самое основное – ясным, не оставляющим сомнений способом выделены две грамматические группировки – имя и предикатив, так что дальнейшая классификация может проводиться с опорой на эти понятия к а к и з в е с т н ы е.

К числу имен будут причислены личные местоимения и их заместители (*nǐ* "ты", *shuí* "кто"), а также двусложные слова со значением места (*shàngmian* "верх", *lǐmiàn* "внутренняя часть"), тогда как их односложные синонимы (*shàng* "наверху", *lǐ* "внутри") окажутся вне класса имен, что в более привычной терминологии соответствует разграничению двусложных и односложных послелогов [Тяпкина 1957: 49–53].

Лексемы типа *tǎolùn* "обсуждать/обсуждение", *tánhuà* "беседовать/беседа" обладают как признаками имен, так и признаками предикативов, одинаково легко допуская употребление в каждой из диагностических конструкций. Выделение этих слов в самостоятельный "смешанный" класс "имя-предикатив" или их распределение по двум классам как грамматических омонимов есть вопрос, выходящий за рамки формализованного подхода как такового. Предпочтение, которое мы отдаем первому варианту, следует рассматривать как условность, не исключающую других решений (см. ниже).

Существует, особенно в китайской лингвистике, точка зрения, согласно которой принадлежность слова к определенной части речи устанавливается только в составе предложения. Например, слово *dà* "большой" может быть существительным (*Zhōngguózhī dà* "громадность Китая"), глаголом (*zhè xiǎo háiz dàle* "Этот ребенок вырос"), прилагательным (*dà zhuōz* "большой стол"), наречием (*dà mà ta* "крепко обругать его" – примеры из [*Fú Zīdōng* 1956: 11]). Эта точка зрения, означающая, что вне контекста частей речи не существует [Яхонтов 1969: 59], становится невозможной при развиваемом нами подходе: слово *dà* "большой" сразу же идентифицируется как предикатив и дальнейшее обсуждение должно касаться вопроса о его первичных и вторичных функциях и как следствие – о его грамматической идентификации в качестве определенного п о д к л а с с а предикатива (в данной работе мы не касаемся этого круга проблем).

Второй шаг. Выделяются слова, существующие только в сочетании с именами и/или предикативами, о п р е д е л я я их. Будем исходить из следующего дистрибутивного постулата: слово, способное участвовать в единственном типе конструкций, считается д и с т р и б у т и в н о п о д ч и н е н н ы м (зависимым) в составе конструкции. Если зависимое слово можно заменить вопросительным словом, то оно о п р е д е л я е т господствующее слово (*qìnsheng* háiz "*родной* ребенок", *dàlì* fazhǎn "*усиленно* развиваться"), если нет, то оно о ф о р м л я е т главное слово (zōu*le* "шел", tīng*chu* "расслышал"). Сейчас нас интересуют только слова первого рода, которые образуют следующие грамматические классы.

Адъективы – слова, выступающие исключительно в качестве определений к именам *xiǎoxíng* "малый", *mànxíng* "хронический, медлительный", *qínsheng* "родной", *shanghǎo* "наилучший", *shǒuyào* "первоочередной", *xínshì* "нового типа", *tóngděng* "того же рода", *xiùzhen* "карманный" [Lǔ Shúxiang, Rào Chángróng 1981· 81] Каковы бы ни были детали, касающиеся функционирования адъективов, невозможность этих слов вступать в сочетание с отрицанием *bù* "не" ставит их вне категории предикатива

Адвербативы – слова, которые выступают только в качестве определений к предикативам *quánsù* "полным ходом", *màomíng* "под чужим именем", *wěnbù* "твердым шагом", *dàlì* "усиленно", *chāojí* "с превышением" [Chén Yí 1989 32] В литературе отмечается, что рассматриваемые слова определяют только глаголы и, в отличие от наречий, не могут быть определениями к прилагательным, а в отличие от прилагательных, не могут быть ни сказуемыми, ни определениями к именам [Там же]

Адъективно-адвербиальные слова (смешанный класс) – слова, способные определять как имена, так и предикативы *gòngtóng* "совместный/совместно", *zhíjiē* "непосредственный/непосредственно", *jiànjiē* 'косвенный/косвенно", *zhenzhèng* "подлинный/подлинно", *zhèngshì* "официальный/официально" [Chén Yí 1989 3] Таким образом, при развиваемом подходе нет оснований говорить, что в примерах типа *yǒnggǎnde rén* "храбрый человек" / *yǒnggǎnde qiánjìn* "храбро идти вперед" представлен "переход" прилагательного в наречие, как полагают некоторые авторы (см , напр , [Líng Bing 1954 20])

Третий шаг. Выделяются слова, существующие только в сочетании с именами и/или предикативами, о ф о р м л я я их Напомним, что оформитель, или служебное слово, есть дистрибутивно подчиненный элемент, не допускающий замены вопросительным словом Сочетание слова с его оформителем будем называть аналитической формой слова, что не выходит за рамки традиционной терминологии (см , напр , [Смирницкий 1956 45]) Дополним понятие дистрибутивной зависимости понятием синтаксической зависимости в конструкции из двух слов то из них, которое допускает замену вопросительным словом, считается синтаксически зависимым Направления дистрибутивной и синтаксической зависимости могут совпадать (*qínsheng háiz* "родной ребенок"), но могут и расходиться (*gěn nǐ* "с тобой")

Если в сочетании имени или предикатива с дистрибутивно подчиненным словом ни один член конструкции не допускает замены вопросительным словом, т е не выступает как синтаксически зависимый, то конструкция представляет собой к а т е г о р и а л ь н у ю (морфологическую) форму знаменательного слова *zǒule* "шел", *tīngchu* "расслышал", *hěn hǎo* "очень хороший" Категориальная форма слова, точнее ее показатели, передают присущие знаменательным словам данного языка грамматические категории – число, время, вид и т д

Если направления дистрибутивной и синтаксической зависимости не совпадают, т е замену вопросительным словом допускает дистрибутивно господствующий компонент, мы имеем дело с с и н т а к с и ч е с к о й формой слова *gen nǐ* 'с тобой" (*gen shuí* "с кем?"), *wèile gongzuò* "чтобы работать" Синтаксические формы слова (синтаксемы) обеспечивают слову возможность выступать в той или иной синтаксической функции

Наконец, возможны случаи, когда замена вопросительным словом дистрибутивно господствующего компонента существует, строго говоря, не в вопросе, а в переспросе, как в примерах типа *lian wǒ* "даже я", *zhǐ xiao* "только смеяться" В подобных сочетаниях семантическая связь оказывается за пределами формальной, имплицируя высказывание-спутник Так высказывание *ta zhǐ xiào* "Она только смеется" подразумевает, что ничего другого она не делает, и эта импликация иногда находит отражение в поверхностной структуре. *ta zhǐ xiào, bù jiǎng huà* "Она только смеется и ничего не говорит" Будем называть подобную форму слова к о м м у н и к а т и в н о й Коммуникативная форма слова имеет отношение не к предложению как единице синтаксиса, но к конкретному речевому высказыванию, обеспечивая его включенность

в контекст, связь с пресуппозицией и непосредственно затрагивая его актуальное членение

Итак, по отношению к имени и предикативу дистрибутивно зависимые элементы аналитических форм слова образуют следующие классы служебных слов

Категориальные *le* (видо-временной показатель), *zhe* (видовой показатель), chu (показатель способа действия) и др

Синтаксические *gen* "с', *gěi* "для", *weile* "чтобы' и др

Коммуникативные *lián* "даже", *zhǐ* "только", *jiu* "именно" и др

Четвертый шаг. Выделяются классы слов, которые по преимуществу определяют имена, но допускают и другие употребления Понятие определения было рассмотрено выше применительно к дистрибутивно зависимым элементам Здесь это понятие распространяется на слова, которые, не будучи дистрибутивно подчиненными, ведут себя аналогично последним, обнаруживая синтаксическую зависимость от имен

Центральное место в рассматриваемой группировке занимают числительные, определяемые двояким образом – независимо и по отношению к именам, тогда как два других класса – детерминативы и кванторы – определяются по отношению к именам и числительным

Числительные – обозначают точное количество и могут заполнять пробел после слова *dì* , приобретая при этом значение порядковости *san* "три" → *dìsan* "третий" Самостоятельно употребляются только при абстрактном счете Совместное употребление с именами столь характерно для числительных, что в китаистике сформировался термин "числительно-предметные сочетания" Выступают как определения к именам со значением меры (*san mǐ* "три метра"), в том числе и к именам, окказионально используемым для обозначения меры (*san wǎn chá* "три чашки чая") Присоединяются к именам с предметным значением (*rén* "человек", *shù* "дерево") при помощи специальных оформителей – синтаксических служебных слов, которые будем называть классификаторами Классификаторы обеспечивают числительным возможность определять считаемые имена *san* "три" → *sange rén* "три человека" Поскольку показатель порядковости *dì* и классификаторы обнаруживают признаки синтаксических служебных слов, числительные обладают двумя синтаксическими категориями – порядковостью и счетностью

Детерминативы – обозначают указание на предмет (*zhè* "этот", *nà* "тот"), выделяя его из числа однородных Кажется, это единственный грамматический класс, который по причине своей малочисленности допускает остенсивное определение

Определяя имена, детерминативы принимают ту же синтаксическую форму, что и числительные, т е присоединяют к себе классификаторы· *zhège rén* "этот человек", *nà zhi mao* "та кошка" Имеют формы множественного числа, образуемые с помощью показателя *xie*, и таким образом обладают категорией числа и категорией счетности

Кванторы – обозначают неточное количество или меру полноты (*měi* "каждый", *quán* "целый") и употребляются преимущественно как определения к именам Лишь отдельные узуально сочетаются с классификаторами (*měige rén* "каждый человек"), так что из двух синтаксических форм числительного кванторы не обладают ни одной

Нетрудно видеть, что детерминативы похожи на числительные формально, кванторы – семантически

Пятый шаг. Вводятся вспомогательные понятия – предложение и связь с предложением Выше рассматривались слова, которые вступают в те или иные межсловные связи Существуют однако, слова, для которых одним из возможных или единственно возможным употреблением является связь с предложением в целом, чем и предопределяется данный шаг классификации Используя уже известные понятия, предложение можно определить как сочетание имени с предикативом (самим по себе или в соединении с именем), обладающее следующими свойствами

1. При записи в символах частей речи имеет вид NV (более сложные варианты – N_1VN_2; $N_1VN_2N_3$).

2. Семантически имя перед предикативом есть субъект, которому приписывается выраженный предикативом (сочетанием предикатива с именем) признак.

3. Признак, передаваемый предикативом (сочетанием предикатива с именем), допускает утвердительную и отрицательную форму (категория статуса).

Считается само собой разумеющимся, что имена и предикативы в составе предложения могут сопровождаться определителями и оформителями.

Данному определению предложения соответствуют такие примеры, как *ta zǒu* "Он идет", *tā niàn shu* "Он читает книгу", *tā gěi wǒ qián* "Он дает мне деньги". Его нетрудно было бы расширить за счет таких структур, как *ta tóu téng* "У него голова болит", *tā shi xuésheng* "Он студент" и т.д., однако для целей нашего исследования достаточно того, что предложенное определение обеспечивает дальнейшую реализацию формализованного подхода к выделению частей речи.

Связь слова с предложением операционально определяется как способность слова вступать в связь с любым компонентом (словом, словосочетанием), который может выступать в качестве эллипсиса данного предложения. Например, высказывание *dāngrán tā xué Zhōngwén* "Конечно, он учит китайский язык" в соответствующих контекстах допускает следующие эллиптические варианты: *dāngrán (shī) tā* "Конечно, он", *dāngrán xué* "Конечно, учит", *dāngrán (shī) Zhōngwén* "Конечно, китайский язык".

Шестой шаг. Выделяются слова, способные о п р е д е л я т ь предложение. Если слова, относящиеся к предложению в целом, способны отвечать на вопросы типа "когда?", "каким образом?" или хотя бы употребляться в качестве самостоятельного высказывания (быть фразовым словом), то они о п р е д е л я ю т предложение, в противном случае они о ф о р м л я ю т предложение. Нас сейчас интересуют только слова первого типа, среди которых выделяются такие грамматические классы как темпоративы (*xiànzài* "сейчас", *gudqù* "раньше", *dāngshí* "в то время") и модальные слова (*dāngrán* "конечно", *qíshí* "действительно", *yěxǔ* "возможно"). Темпоративы обозначают время события, о котором говорится в предложении, тогда как модальные слова – это высказывания о высказывании, характеризующие высказывание в плане его истинности, достоверности, желательности с точки зрения говорящего.

Среди модальных слов встречаются однофункциональные, для которых определение к предложению является как будто единственным типом употребления (*yěxǔ* "возможно", *qíshí* "действительно", *xìngkui* "к счастью"), тогда как некоторые модальные слова (в еще большей степени это относится к темпоративам) допускают и другие употребления, например, *nà shì dāngránde* "Это само собой разумеется". Таким образом, способность определять предложение в целом является для темпоративов и модальных слов диагностическим контекстом, позволяющим выделить их в качестве особых грамматических группировок, что не препятствует наличию у этих слов и других типов функционирования.

Темпоративы и модальные слова располагаются обычно в абсолютном начале предложения или перед группой сказуемого, хотя встречаются и отступления от этого правила, отражающие специфику разговорной речи: *Wǒ hěn ài ta, zhēnde, lǎoshi* "Я очень люблю ее, правда, учитель".

Седьмой шаг. Выделяются слова, о ф о р м л я ю щ и е предложения. Оформители предложений (частицы) есть слова, дистрибутивно зависимые от предложения, ибо употребление в начале и в конце предложения является единственным способом функционирования соответственно начальных и конечных частиц. Кроме того, частицы не допускают ни замены вопросительным словом, ни постановки под вопрос.

Начальные частицы – это своего рода введения к последующему высказыванию, обнаруживающие с ним некоторое семантическое согласование. Самый простой пример – начальная частица *wèi*, назначение которой – призвать собеседника к вниманию, дать ему понять, что сейчас последует некоторое высказывание, как в стан-

дартном начале телефонного разговора: *Wèi, Zhāng Mǐn zài ma*? "Алё, Чжан Минь дома?".

Конечные частицы – это как бы комментарий к сделанному высказыванию, характеризующий его преимущественно в иллокутивном плане, как например вопросительная частица *ma*: *nǐ xué Zhōngwén ma*? "Ты учишь китайский язык?".

Общее у модальных слов темпоративов и частиц состоит в том, что они включают высказывание в конкретный коммуникативный акт, обеспечивая его связь с пресуппозицией и контекстом.

Восьмой шаг. Выделяются междометия. Это грамматический класс, имеющий отчетливую семантическую характеристику, хорошо воспринимаемый интуитивно, но под углом зрения используемых нами признаков выделяемый преимущественно отрицательно. Семантический признак междометий – непосредственное выражение различных эмоций говорящего, формальная же характеристика сводится к тому, что эти слова, употребляясь как самостоятельные высказывания, обнаруживают максимальную независимость от предложения: конечные частицы не могут отделяться от предложения паузой, начальные – могут, междометия обладают этим свойством в предельной степени, причем предложение может как предшествовать междометию, так и следовать за ним. Семантическое же согласование междометия с предложением состоит в том, что предложение излагает обоснование соответствующей эмоции.

Изложенное можно подытожить в виде следующей схемы (шаги классификации и ее результат):

* * *

В нашей классификации имеется два "смешанных" класса: имена-предикативы (*tǎolùn* "обсуждать/обсуждение") и адъективы-адвербативы (*gòngtóng* "совместный/совместно"). Спрашивается, нельзя ли рассматривать относящиеся к этим классам слова как грамматические омонимы? Наша точка зрения состоит в том, что "смешанный" класс и грамматическая омонимия – логически равноправные решения и выбор одного из них определяется соображениями внелогического порядка. Рассмотрим постановку этого вопроса в общем виде, временно отвлекаясь от лингвистического материала.

Допустим, имеются объекты, обладающие признаком *A*, имеются объекты, обладающие признаком *B*, и имеются объекты, обладающие признаком *A* + *B*. Если соответствующий признак является основанием для выделения логического класса, то при сформулированных условиях здравый смысл выделяет три класса объектов: класс *A*, класс *B*, класс *AB*[1]. Будем называть такой подход р е а л и с т и ч е с к и м. Тогда мы приходим к постановке вопроса, какие условия могут помешать реализации реалистического подхода?

Прежде всего, объект с признаками *A* + *B* может быть более или менее условно включен либо в класс *A*, либо в класс *B*, если реалистически допустимый класс *AB* оказывается количественно несопоставим с двумя другими классами. Этот количественный подход может поддерживаться тем, что один из признаков (*A*/*B*) рассматривается как содержательно более весомый. Видимо, оба эти фактора, количественный и качественный, обусловливают то, что животное кит, в общеупотребительном языке обозначаемое как рыба, в научной классификации относится к классу млекопитающих. Если бы животные, совмещающие признаки рыб и млекопитающих, были бы столь же многочисленны, как собственно рыбы или собственно млекопитающие, они были бы выделены в специальный классификационный разряд, которому было бы присвоено соответствующее имя. Несомненно и то, что в основе интерпретации признака "млекопитающее" как содержательно более весомого, чем признак "рыба", лежит своего рода биологический антропоцентризм: логически ничто не мешает зачислить китов в разряд рыб. "Киты рыбы или не рыбы, смотря по цели, с которой мы их рассматриваем" [Милль 1867: 263]. Ср. также: "Иск, основанный на том, что законы, говорящие о рыбах, не касаются китов, был бы немедленно отвергнут умным судьей" [Там же].

В сфере и д е а л ь н ы х объектов, т.е. объектов, конституируемых нематериальными признаками, помимо рассмотренных выше решений, возможно, по крайней мере, еще одно – распределение класса *AB* между классами *A* и *B* по образцу: *tăolùn* (имя) "обсуждение" / *tăolùn* (предикатив) "обсуждать". Будем называть такой подход э к о н о м н ы м. Речь идет о хорошо известных случаях грамматической омонимии (о других возможных решениях см. [Базелл 1972: 18–19]). Спрашивается, какими факторами обусловливается выбор между реалистическим и экономным подходом и возможно ли их сосуществование в пределах единой классификации?

Для идеальных объектов возможность реалистического подхода определяется факторами качественного и количественного порядка.

Качественный аспект сводится к тому, что реалистический подход (выделение самостоятельного класса *AB*) тем более вероятен, чем выше близость признаков *A* и *B*. Иными словами, речь идет об иерархии различительных признаков: чем ближе различительные признаки п о с у щ е с т в у, тем больше шансов для реалистической классификации. Как будто именно так действует естественный язык в сфере лексики, если условиться, что в данном случае мы имеем дело с "классами", каждый из которых исчерпывается не единственным членом, а конституирующим признаком, что само собой разумеется, выступает лексическое значение. Лексемы "кафе" и "столовая" весьма близки по лексическому значению, поэтому вполне вероятно образование самостоятельной лексемы "кафе-столовая". Равным образом, образование самостоятельных "классов" типа "механик-водитель", "секретарь-машинистка" более вероятно, чем образование лексем типа "директор-студент" или "студент-дворник", хотя этими потенциальными лексемами и отражаются вполне актуальные реалии.

В сфере частей речи выделение самостоятельных разрядов "междометие-частица" или "союз-предлог" более вероятно, чем выделение разрядов типа "глагол-междометие" или "союз-наречие". Так, выделение формально допустимого класса

[1] Строго говоря, выделяется еще класс, не обладающий ни признаком *A*, ни признаком *B*, однако сейчас мы отвлекаемся от этого момента.

"имя/модальное слово" (*dàgài* "основное содержание/конечно") нежелательно прежде всего потому, что имена и модальные слова не имеют сходных грамматических признаков. Разумнее представить рассматриваемый случай как грамматическую омонимию: 1) имя (*nǐ shuō ge dàgài* "Изложи основное содержание"); 2) модальное слово (*tā dàgài bìngle* "Он, наверное, заболел"). Распространенный термин "глагол-предлог", судя по реальным контекстам его употребления, имеет иную логическую природу по сравнению с предметом нашего обсуждения, поскольку обозначает не самостоятельный класс, но либо частеречную омонимию, либо указание на диахронический источник предлога. Точно так же представленный в некоторых китаистических работах термин le_{1+2} (см., напр. [Lǐ Tiěgēn 1992: 239]) обозначает не единый "класс", включающий слово с одновременными признаками видо-временного показателя (le_1) и конечной частицы (le_2), но всего лишь фонетическое слияние грамматически разнородных элементов.

Рассмотрим под углом зрения качественного подхода "смешанные" разряды нашей классификации. Сходство грамматических свойств адъективов и адвербативов, видимо, в особых комментариях не нуждается. Менее очевидно, какие грамматические признаки сближают имена с предикативами, способствуя выделению самостоятельного класса "имя-предикатив" (сходство или совпадение лексических значений иррелевантно для грамматической классификации). Имя и предикатив грамматически близки в том смысле, что обладают полным набором синтаксических функций (подлежащее, дополнение, сказуемое, определение), различаясь лишь соотношением первичных и вторичных синтаксических ролей. Собственно, полный набор синтаксических функций и составляет лингвистический смысл понятия "знаменательный". Другие грамматические классы (полузнаменательные, незнаменательные) данным признаком не обладают. Заметим, однако, что это разъяснение выходит за рамки нашей классификации, поскольку формализованный подход к выделению грамматических классов слов оказалось возможным осуществить без обращения к понятию синтаксической функции.

Количественный аспект реалистического подхода к классификации нематериальных объектов сводится к тому, что данный подход (выделение самостоятельного класса *AB*) тем более вероятен, чем меньше число классификационных разрядов. Если бы части речи английского языка исчерпывались словами такой грамматической природы как *girl* (признак *A*), *sit* (признак *B*) и *sleep* (признак *A* + *B*), то выделение слов типа *sleep* в самостоятельный класс было бы вполне оправданным. Их интерпретация как грамматических омонимов "имя/глагол" объясняется соображениями экономии и практического удобства, ибо при наличии более десятка базовых классов возможность их попарных (и более сложных) комбинаций сделала бы реалистическую классификацию громоздкой и трудновоспринимаемой. Иначе говоря, выбор реалистического или экономного подхода, как и их совмещение в рамках единой классификации, является вопросом удобства и практической целесообразности. Реализация данной установки представлена в монографии автора "Грамматический строй вьетнамского языка", где, в частности, принят экономный подход при выделении глагольных подклассов, насчитывающих более десяти разрядов [Панфилов 1993: 161–168], и реалистический подход при выделении подклассов синтаксических служебных слов, дающий по три разряда в рамках сочинительной и подчинительной связей [Там же: 244–248].

* * *

Подводя итог формализованной классификации частей речи китайского языка, напомним, что исходным пунктом классификации было выделение имен и предикативов посредством операционального приема, не допускающего разночтений. Остальные грамматические классы выделялись по отношению к именам и предикативам с опорой на понятия "определять" и "оформлять". Последние могут быть оха-

рактеризованы соответственно как функция определения и (нестандартный термин) функция оформления, однако использованный при их установлении операциональный подход позволил обойтись без обсуждения вопроса о синтаксической функции как таковой Далее с опорой на понятия имени и предикатива было введено понятие предложения, и дальнейшая классификация производилась при помощи понятий "определять" и "оформлять" применительно к предложению

В процессе изложения некоторые термины (подлежащее, группа сказуемого и др) употреблялись без определения Нетрудно, однако, заметить, что речь в таких случаях шла о явлениях, выступающих в качестве грамматического фона, более широкого лингвистического контекста, но выходящих за пределы нашей классификации При более масштабном описании грамматического строя китайского языка эти термины также должны получить корректное определение, если описание претендует на высокую степень строгости, заданную в настоящей работе.

Другая особенность обсуждаемой классификации – некоторая перегруппировка привычных рубрик, что вполне естественно, учитывая специфику подхода Выше мы уже касались этого вопроса в связи с личными местоимениями и локативами В порядке дальнейшего обсуждения заметим, что в нашей классификации отсутствует такой традиционный класс, как наречие Эта в меру расплывчатая часть речи, часто выделяемая "по остаточному принципу", окажется распределенной между определителями предикатива (адвербативами) и его оформителями Думается, что такое отступление от традиции только на пользу существу дела, если опять-таки понимать под последним строгость описания

Формализованный подход является неотъемлемым достоянием дедуктивных наук Его эффективность в эмпирической науке достаточно проблематична, и нетрудно предвидеть, что последовательная дедукция будет встречать определенное сопротивление материала Уступка материалу нарушает чистоту и строгость выводов, уступка логике чревата усложнением понятийного аппарата Рассмотрим некоторые конкретные коллизии подобного рода

Адъективы и вторичные функции Адъективы были определены как дистрибутивно подчиненные именам, т е выступающие только в качестве определений к именам Китайские авторы называют адъективы непредикативными прилагательными (fēiwèi xíngróngcí), совершенно явно указывая на невозможность для них сказуемостной функции [Lǔ Shúxiāng, Rào Chángróng 1981 81] Однако поскольку наряду с конструкциями *xiǎoxíng shuǐkù* "небольшое водохранилище" возможны также конструкции *zhege shuǐkù shì xiǎoxíngde* "Это водохранилище – небольшое" [Там же], более корректным было бы говорить, что функция сказуемого возможна для данных слов как в т о р и ч н а я, предполагающая специальное оформление (*shì de*) При этом несомненным остается тот факт, что адъективы могут быть определениями т о л ь к о к и м е н а м Возможный выход из положения – уточнение понятия дистрибутивной зависимости в том плане, что ее констатации не препятствуют некоторые типы вторичных функций, однако это сразу же ведет к постановке вопроса о разграничении первичных и вторичных функций, т е к существенному усложнению теории

Синтаксические служебные слова и единственный тип конструкции Большинство из этих слов полностью отвечает определению дистрибутивно зависимого элемента, однако имеются синтаксические служебные слова, способные оформлять как отдельное слово (*yīnwèi nǐ* "из-за тебя"), так и целое предложение (*yīnwèi nǐ méi lai* "из-за [того, что] ты не пришел") Возникает вопрос, как быть с понятием "единственный тип конструкции" В нашей классификации этот вопрос обходится за счет определенной последовательности классификационных шагов третий шаг, когда устанавливаются синтаксические служебные слова, производится до введения понятия "предложение", однако, если придерживаться формализованного подхода, то при выделении оформителей предложения (седьмой шаг) применительно к синтаксическим служебным словам необходимо обосновать "переход" от оформления сло-

ва к оформлению предложения Видимо, это будет связано с понятием единственного типа конструкции, скорее всего – с его рекурсивным определением, но в любом случае усложнение теории неизбежно

Данные соображения, демонстрируя некоторые (вполне преодолимые) трудности предпринятого подхода, не дискредитируют саму постановку вопроса Строгость определений, убедительность описания, характерные для формализованных построений, могут, при соблюдении должной умеренности и аккуратности, сделаться достоянием эмпирических дисциплин Таков основной смысл предпринятого нами эксперимента, не говоря о том, что "классификация, какой бы она ни была, ценна сама по себе – это лучше, чем отсутствие всякой классификации" [Леви-Строс 1994 120]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базелл 1972 – *Ч Е Базелл* Лингвистическая типология // Принципы типологического анализа языков различного строя М , 1972

Горгониев 1966 – *Ю А Горгониев* Грамматика кхмерского языка М , 1966

Драгунов 1952 – *А А Драгунов* Исследования по грамматике современного китайского языка I Части речи М , Л , 1952

Леви-Строс 1994 – *К Леви-Строс* Первобытное мышление М , 1994

Мельчук 1997 – *И А Мельчук* Курс общей морфологии Т I М , Вена, 1997

Милль 1867 – *Дж Ст Милль* Система логики Т II СПб , 1867

Панфилов 1990 – *В С Панфилов* Классы слов (части речи) во вьетнамском языке // ВЯ 1990 № 5

Панфилов 1993 – *В С Панфилов* Грамматический строй вьетнамского языка СПб , 1993

Смирницкий 1956 – *А И Смирницкий* Аналитические формы // ВЯ 1956 № 2

Смирнов 1995 – *Г А Смирнов* Проблема непосредственного знания в истории философии и принципы формализации научных теорий // ВФ 1995 № 9

Тяпкина 1957 – *Н И Тяпкина* Послелоги в современном китайском языке // Некоторые вопросы китайской грамматики М , 1957

Яхонтов 1965 – *С Е Яхонтов* Понятие частей речи в общем и китайском языкознании // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов Тезисы докладов Л , 1965

Яхонтов 1969 – *С Е Яхонтов* Выражение каузативности в древнекитайском языке // Типология каузативных конструкций (морфологический каузатив) Л , 1969

Chén Yī 1989 – *Chen Yi* Shìlùn zhuanzhıde dòngcí qiánjıacı // Zhongguó yüwén 1989 № 1

Fú Zīdōng 1956 – *Fu Zidong* Cílèide qubıe he bianren // Zhongguó yüwen 1956 № 9

Honey 1956 – *P J Honey* Word classes in Vietnamese // BSOAS 1956 V XVIII Pt 3

Lê Văn Ly 1948 – *Lê Văn Ly* Le parler vietnamien Paris, 1948

Lǐ Tiěgen 1992 – *Lǐ Tiěgen* "Le$_1$", "Le$_2$" qubié fangfāde yidiǎn shangque // Zhongguó yüwén 1992 № 3

Líng Bing 1954 – *Ling Bing* Yüfǎ zhıshi tıyao Běijing, 1954

Lǔ Shúxiāng, Rào Chángróng 1981 – *Lu Shúxiāng, Rao Chángróng* Shìlùn feiwèi xíngrongcı // Zhongguó yüwen 1981 № 2

Martini 1959 – *F Martini* L'opposition nom et verbe en vietnamien et en siamois // BSLP 1959 T 54 Fasc 1

Yuen Ren Chao1968 – *Yuen Ren Chao* A Grammar of spoken Chinese Berkeley, Los Angeles, 1968